

4. Trofimov V. V. Kommunikaciya grazhdanskogo obshchestva i publichnoj vlasti na platforme pravovogo sotvorchestva kak social'nyj instrument vyravnivaniya i stabilizacii kursa gosudarstvenno-pravovogo razvitiya (vvedenie v problemu) // Pravo: istoriya i sovremennost' [Communication of Civil Society and Public Authority on the Platform of Legal Co-creation as a Social Instrument for Aligning and Stabilizing the Course of State and Legal Development (Introduction to the Problem) // Law: History and Modernity]. 2018. No. 1. Pp. 73–82.

5. Dmitriev A. V. Konfliktologiya: terminologicheskij slovar'. 2-e izd., ispr. i dop. [Terminological Dictionary. 2nd ed., corrected and enlarged] SPb. : SPbGUP [SPbGUP Publishing house], 2013.

6. Kudryavcev V. N. YUridicheskij konflikt // Gosudarstvo i pravo. [Legal Conflict // State and Law] 1995. No. 9. Pp. 9–14.

7. YUridicheskaya konfliktologiya: teoriya i metodologiya issledovaniya : ucheb. posobie [Legal Conflictology: Theory and Research Methodology: Textbook] / editor in charge M. N. Marchenko. M. : Norma : INFRA-M [Publishing house], 2024.

8. Trofimov V. V., Sviridov V. V. Pravovoe sotvorchestvo: definiciya ponyatiya i rol' v rossijskom pravotvorcheskom processe // Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal co-creation: definition of the concept and role in the Russian law-making process // Legal policy and legal life]. 2018. No. 4. Pp. 106–114.

Владислав Юрьевич Панченко

Заведующий кафедрой теории, истории государства и права ВГУЮ (РПА Минюста России), профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, профессор Кузбасского института ФСИН России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, главный научный сотрудник Сибирского федерального университета, доктор юридических наук
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

Елена Николаевна Пузанкова

Профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор педагогических наук, профессор
E-mail: e.puzankova@rgiis.ru

Стадии непосредственной реализации права

Аннотация. Актуальность проблемы заключается в недостаточной теоретической разработке стадийности непосредственной реализации права в целях преодоления традиции редуцирования правовой активности граждан до понятия «поведение» и признания НРП полноценной юридической деятельностью со своей внутренней логикой. Предмет исследования составляют стадии непосредственной реализации права и теоретико-методологические основания для их выделения. Методологию исследования составили системный подход, структурно-функциональный анализ, метод моделирования и др. Научная новизна заключается в обосновании вывода о том, что непосредственная реализация права представляет собой не поведение, а сложную, осознанную, стадийную юридическую деятельность, структурно организованную по универсальной информационно-модели «факты — нормы — решение», что

необходимо для адекватного понимания действия права и выработки правовых средств поддержки правовой активности.

Ключевые слова: непосредственная реализация права, реализация права, юридическая деятельность, правовое поведение, правовая активность, теория права.

Vladislav Yurievich Panchenko

Head of the Department of Theory, History of State and Law of VSUE (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Professor of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Chief Researcher of the Siberian Federal University, Doctor of Law

Elena Nikolaevna Puzankova

Professor at the Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Stages of Direct Implementation of the Right

Annotation. *The relevance of this problem lies in the insufficient theoretical development of the stages of the direct implementation of law. This is necessary to overcome the tradition of reducing citizens' legal activity to the concept of «behavior» and recognizing NRP as a fully-fledged legal activity with its own internal logic. The subject of this study is the stages of the direct implementation of law and the theoretical and methodological foundations for identifying them. The methodology of this study includes a systems approach, structural and functional analysis, modeling methods, and other methods. The scientific novelty lies in the substantiation of the conclusion that the direct implementation of law is not behavior, but a complex, conscious, stage-by-stage legal activity, structurally organized according to the universal information model «facts - norms - decision,» which is necessary for an adequate understanding of the operation of law and the development of legal means to support legal activity.*

Keywords: *direct implementation of law, implementation of law, legal activity, legal behavior, legal activity, legal theory.*

Панченко В. Ю., Пузанкова Е. Н.

13

Процесс непосредственной реализации права (далее также — НРП) не является одномоментным актом, а представляет собой последовательность взаимосвязанных этапов, проходящих в сознании и правовой деятельности субъекта права.

Если относительно правоприменения выделение стадий, как минимум, трех: установление фактической основы дела, установление юридической основы дела; решение дела — является традиционным для научной и учебной юридической литературы [1—7], то стадийность непосредственной реализации права и ее разновидности — непосредственной реализации прав и свобод личности как регламентированного нормами права процесса самостоятельного осуществления личностью своих прав без помощи специально уполномоченных органов и лиц, сферы самовыражения личности, ее правовой активности и жизненной позиции, комплекса правовых средств, а также самостоятельных действий личности по реализации своих прав и свобод с целью их более полного и эффективного использования [8, с. 3—4] — нередко упускается из фокуса подробного изучения. Объясняется это, на наш взгляд, во-первых, тем, что правоприменение, в отличие от непосредственной реализации права, — процесс

формализованный, детально регламентированный процессуальными юридическими предписаниями, а, во-вторых, принципиально ошибочной и некорректной традицией отечественной теории государства и права упрощенно представлять юридически значимые действия граждан и организаций, рассматривая их как «поведение» и тем самым определенным образом противопоставляя их полноценной деятельности государственных органов. Однако по своей сложности, содержанию и степени ответственности действия частных лиц и их объединений по реализации и защите своих прав и законных интересов часто не уступают, а в ряде случаев и превосходят деятельность публичных властных структур.

Большое методологическое значение для рассмотрения стадий непосредственной реализации права имеет предложенное А. Ф. Черданцевым разграничение процессуальной и информационной моделей относительно применения права, когда на основе процессуальных норм строится процессуальная модель правоприменения, которая отражает последовательность и порядок совершения процессуальных действий (например, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование или дознание и т. д. в уголовном процессе). В информационной модели применение права А. Ф. Черданцев рассматривал как движение информации, где «каждое решение имеет два основания: фактическое и нормативное, т. е. решение выносится на основе установленных фактов и норм права. Прежде чем принять решение, собирается, анализируется информация о юридически значимых для данного дела фактах (юридических фактах) и о соответствующих нормах права. Информация о фактах и о нормах носит описывающий (дескриптивный) характер, вынесенное на основе ее анализа решение — новый вид информации, носящий предписывающий (прескриптивный) характер. Отсюда вытекают три стадии информационной модели правоприменительного процесса: 1) установление фактических обстоятельств; 2) выбор и анализ норм права; 3) вынесение решения и его документальное оформление» [9, с. 248–249].

Последовательность «познание фактов — поиск норм — принятие решений» глубоко укоренена не только в правоприменении и в юридической деятельности вообще, но и в повседневной жизни. Каждый день, сталкиваясь с проблемами, конфликтами или просто необходимостью сделать выбор, люди интуитивно или осознанно проходят через эти три стадии. Понимание этого процесса не только объясняет принципы человеческого мышления и формирование воли к действию, но и помогает принимать более обоснованные и эффективные решения в самых разных сферах.

Установление фактической основы предполагает рациональный ответ на вопрос о том, что происходит, произошло или может произойти в той или иной жизненной ситуации. Эта стадия — фундамент любого осмысленного решения. Ее суть — в сборе, проверке и систематизации информации о реальных событиях, обстоятельствах, состояниях, мнениях и ресурсах. Без ясного понимания фактов любые дальнейшие шаги могут быть ошибочными. Например, решая, покупать ли новую машину, семья исследует множество фактических вопросов: для каких целей нужна машина (езда на работу, перевозка детей или грузов, поездки на дачу), сколько пассажиров обычно перевозится, каковы ключевые требования (безопасность, надежность, вместимость багажника, расход топлива и т. п.), каков текущий доход семьи и позволяет ли покупку размер сбережений, каково состояние текущего автомобиля и цены на интересующие модели (новые или с пробегом), есть ли варианты кредитования (ставки, сроки, первоначальный взнос и пр.), каковы реальные расходы на содержание (страховка, техобслуживание, налог, топливо), какие отзывы о надежности интересующих марок (моделей) и т. д. Затем сравниваются цены в разных салонах, на сайтах, рассматриваются разные варианты и делается выбор — покупать или отказаться от приобретения.

Аналогичным образом при выборе образовательного учреждения для ребенка происходит сбор и анализ фактической информации как о ребенке (его способностях, интересах, особенностях здоровья, текущем уровне подготовки и т. д.), так и о школе (учебные программы и методики, квалификация и опыт педагогов,

материально-техническая база (классы, спортзал, лаборатории, библиотека, столовая, охрана), расположение и транспортная доступность, режим работы, наличие групп продленного дня, расходы на обучение и т. д.). Сбор такой информации предполагает разные источники: мнение других родителей, результаты и отзывы выпускников (если школа), а также проверку фактических данных (посещение школы лично, разговоры с директором, учителями, наблюдение за детьми на перемене, анализ официальных сайтов и документов и т. д.).

Установление нормативной основы предполагает ответы на вопросы о том, по каким правилам осуществлять деятельность и какая реакция ожидается от иных участников общественных отношений на деятельность субъекта. После прояснения фактов наступает этап поиска и определения правил (норм), по которым будет оцениваться ситуация и приниматься решение. Эти социальные нормы могут быть как юридическими, так и неюридическими, как закрепленными в письменной форме, так и неписаными.

Так, в примере с покупкой машины нормами могут быть как правила финансовой безопасности (не на «последние деньги»), так и соображения удобства и престижа автомобиля, гласные или негласные ожидания или договоренности между супругами о крупных тратах, предполагаемое одобрение или неодобрение родственниками, знакомыми и т. д. И, конечно, юридические нормы, регламентирующие куплю-продажу автомобиля, фиксацию перехода права собственности, способ передачи денег и пр. При выборе образовательного учреждения для ребенка в качестве социальных норм могут выступать педагогические принципы (определенная методика обучения), семейные представления (религиозный или светский характер образования, акцент на определенные предметы, представления о будущем успехе и перспективах ребенка) и, разумеется, юридические нормы о порядке приема в школу.

Итогом является решение дела, в ходе которого формируется конкретное руководство к действию, «наложение» фактов на нормы и норм на факты, здесь происходит синтез, оценка, взвешивание всех за и против, а часто и поиск компромисса между различными нормами и (или) фактическими обстоятельствами.

Таким образом, в своей повседневной деятельности люди постоянно «проходят» стадии установления фактов, поиска правил игры и принятия решений. Рационализация этих этапов дает значительные преимущества, поскольку осознанный сбор и проверка фактов снижает риск действий на основе слухов, предубеждений или неполной информации, а ясное понимание осуществляемых норм делает выбор более последовательным и обоснованным.

Отсюда очевидно, что трехстадийная модель — установление фактов, определение применимых норм и принятие решения — это не абстрактная юридическая конструкция, а универсальный алгоритм человеческого познания и действия, встроенный в саму «ткань» нашей повседневности. От закупок товаров, работ, услуг до планирования карьеры, от разрешения бытовой ссоры до принятия важного финансового решения — индивиды постоянно собирают данные, сверяются с внутренними и внешними «правилами» и делают выбор. Осознанное применение этой модели превращает хаотичный поток жизни в более управляемый и осмысленный процесс, позволяет действовать не импульсивно, а обдуманно, опираясь на реальность (факты) и социальные нормы. Понимание этой иногда неочевидной логики наших ежедневных решений — важное средство для более рациональной и осознанной жизни.

Эти стадии — установление фактов, юридических правил, принятие решений — прослеживаются и в профессиональной деятельности юриста, не связанной с применением права. Значительная часть практической юридической работы происходит именно «вне рамок» правоприменения, которая не менее сложна, стратегически важна и строится на той же фундаментальной триаде стадий.

Так, в процессе установления фактической основы дела целью адвоката или иного юриста выступает получение полной, точной, достоверной и относимой информации о реальной ситуации, проблеме и намерениях клиента. Это

предполагает тщательный сбор информации, документов, данных, выявление всех значимых обстоятельств, включая скрытые риски, мотивы сторон, технические детали, финансовые потоки, историю взаимоотношений и т. п. Юрист нередко вынужден задавать «глупые» и «неудобные» вопросы, чтобы докопаться до реальной картины, которая может отличаться и часто существенно отличается от субъективного видения фактических обстоятельств со слов клиента. Средствами установления фактической основы дела выступает интервьюирование клиента и контрагентов (при согласии), изучение договоров, корпоративных документов, переписки (электронной и бумажной), технической документации, отчетов, публичных реестров (ЕГРЮЛ, ЕГРИП, Росреестр и пр.), нормативных актов организаций, финансовых показателей, результатов различного рода проверок и других источников фактической информации с критическим анализом полученных сведений на предмет относимости, достоверности и достаточности.

Установление нормативной основы имеет целью определить все применимые к выявленным фактам правовые нормы, которые определяют права и обязанности. Образно выражаясь, установление нормативной основы в профессиональной неправовоприменительной деятельности юриста предполагает создание «правовой карты местности» путем поиска и анализа законов и подзаконных нормативных правовых актов (федеральных, региональных, муниципальных), принципов и норм международного права, корпоративных документов (уставов, положений, регламентов и пр.), судебной практики, которая показывает, как нормы могут быть истолкованы в возможных будущих спорах. Важно, чтобы юрист не ограничивался изучением текстов нормативных предписаний, «буквой закона», а установил смысл правил, выявил потенциальные коллизии и технические пробелы норм, спрогнозировал возможные правоприменительные решения, оценил правовые последствия и вероятность их наступления.

Принятие решения предполагает, что на основе установленных фактов и определенной нормативной основы юристом разработано оптимальное, законное и защищающее интересы работодателя или клиента руководство к действию. Последнее может заключаться в формулировании юридической стратегии и путей ее реализации, например, разработке структуры сделки — как оформить отношения, чтобы минимизировать риски и достичь цели, составлении или анализе договора; консультации с четким описанием прав, обязанностей, рисков и рекомендаций; выработке плана действий для разрешения возникшей проблемы (досудебное урегулирование, переговоры, изменение условий договора и т. д.).

Описанная трехстадийная информационная модель непосредственной реализации права представляется универсальной, степень же сложности юридически значимых деяний, совершаемых либо планируемых в к совершению в процессе непосредственной реализации права, не дает оснований для узких трактовок юридической деятельности как исключительно властной деятельности компетентных органов [10, с. 4], а требует включения в понятие юридической деятельности активности субъектов права, не обладающих властными полномочиями, — деятельности в правовой сфере, связанной с принятием юридических актов (а иногда и совершением юридически значимых поступков), с решениями о совершении юридических действий или воздержании от них, возможность или обязанность которых предусмотрена нормами права [11, с. 378], которая чаще всего описывается как «правовое поведение», исходя, по-видимому, из ложного представления о том, что от частных лиц требуется лишь законопослушание (которое может быть пассивным и неосознанным), а не высшие формы активности (целеполагание, выбор правовых средств), присущие деятельности.

Гражданин или юрист, готовящие исковое заявление в суд, должны глубоко разобраться в материальном и процессуальном праве, собрать и оформить доказательства, сформулировать правовую позицию, грамотно составить

процессуальные документы и участвовать в заседаниях, что требует не меньшей квалификации, чем работа многих правоприменителей. Организации и предприниматели при заключении договоров проводят не менее сложную работу: анализ рисков, согласование условий, юридическую экспертизу текста, обеспечение исполнения, а в случае спора — претензионную работу и судебную защиту. При оформлении брачного договора, соглашения о разделе имущества или определении места жительства ребенка и порядка общения с ним граждане вынуждены разбираться в тонкостях семейного, гражданского и гражданско-процессуального права, оценивать долгосрочные последствия принимаемых решений, ошибки в которых имеют огромное значение для жизни людей. Эти и многие другие примеры показывают, что, разграничивая формы реализации права по субъекту — на правоприменителей и иных лиц, недопустимо принижать сложность, значимость и квалифицированный характер юридической деятельности, осуществляемой гражданами и организациями в процессе непосредственной реализации права.

Пристатейный библиографический список

1. Дюрязин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973.
2. Иоффе О. С., Шаргородский, М. Д. Вопросы теории права. М. : Госюриздат, 1961.
3. Лазарев В. В. Применение советского права. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972.
4. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М. : Госюриздат, 1960.
5. Решетов Ю. С. Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989.
6. Рабинович П. М. Общетеоретические вопросы реализации советского права // XXVI съезд КПСС и проблемы реализации советского права. Львов : Вища шк. : Изд-во при Львов. ун-те, 1983. Вып. 22. С. 6—14.
7. Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
8. Белянская О. В. Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003.
9. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт-М, 2002.
10. Карташов В. Н. Юридическая деятельность: Проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.
11. Реутов В. П. Юридическая деятельность граждан и правотворчество: вопросы соотношения // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 378—382.

References

1. Djurjagin I. Ja. Primenenie norm sovetskogo prava. [Application of Soviet Law Norms] Sverdlovsk : Sred.-Ural. kn. izd-vo [Mid-Ural book Publishing house], 1973.
2. Ioffe O. S., Shargorodskij, M. D. Voprosy teorii prava. [Issues of the Theory of Law] M. : Gosjurizdat [Publishing house], 1961.
3. Lazarev V. V. Primenenie sovetskogo prava. [Application of Soviet Law]. Kazan : Izd-vo Kazan. un-ta [Kazan University Publishing house], 1972.
4. Nedbajlo P. E. Primenenie sovetskih pravovyh norm. [Application of Soviet Legal Norms] M. : Gosjurizdat [Publishing house], 1960.
5. Reshetov Ju. S. Realizacija norm sovetskogo prava. Sistemnyj analiz. [Implementation of Soviet Law Norms. System Analysis.] Kazan : Izd-vo Kazan. un-ta [Kazan University Publishing house], 1989.
6. Rabinovich P. M. Obshheteoreticheskie voprosy realizacii sovetskogo prava // XXVI s#ezd KPSS i problemy realizacii sovetskogo prava. [General Theoretical Issues

of Implementation of Soviet Law // XXVI Congress of the CPSU and Problems of Implementation of Soviet Law]. L'vov : Vishha shk. : Izd-vo pri L'vov. un-te [Higher School: Publishing House at Lvov University], 1983, Issue 22. Pp. 6–14.

7. Sapun V. A. Teorija pravovyh sredstv i mehanizm realizacii prava : diss. ... d-ra. jurid. nauk [Theory of Legal Means and Mechanism of Implementation of Law: dissertation for Doctoral degree in Legal sciences] Nizhnij Novgorod, 2002.

8. Beljanskaja O. V. Mehanizm neposredstvennoj realizacii prav i svobod lichnosti: dis. ... kand. jurid. nauk. [Mechanism of Direct Implementation of Personal Rights and Freedoms : dissertation for Candidate degree in Legal sciences] Tambov, 2003.

9. Cherdancev A. F. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik dlja vuzov. [Theory of State and Law: Textbook for Universities]. M. : Jurajt-M [Publishing house], 2002.

10. Kartashov V. N. Juridicheskaja dejatel'nost': Problemy teorii i metodologii : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. [Legal Activity: Problems of Theory and Methodology: abstract to dissertation for a Doctoral degree in Legal sciences]. M., 1990.

11. Reutov V. P. Juridicheskaja dejatel'nost' grazhdan i pravotvorchestvo: voprosy sootnoshenija // Juridicheskaja tehnika. [Legal Activity of Citizens and Lawmaking: Relationship Issues // Legal Technique]. 2014. No. 8. Pp. 378–382.